

Л.Х. ВАСИЛЯУСКЕНЕ¹

ЖЕНЩИНЫ ИЗОБРЕТАЮТ ПСИХОАНАЛИЗ: САБИНА ШПИЛЬРЕЙН МЕЖДУ ЗИГМУНДОМ ФРЕЙДОМ И КАРЛОМ ГУСТАВОМ ЮНГОМ

Введение

«Королевская дорога в бессознательное»

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд в изданной на стыке веков книге "Толкование сновидений" (4) говорит о "вечной женственности, наших бессмертных эмоциях", которые должны быть исследованы, указывая, что проводником на этом, полном приключений пути в неоткрытую страну, в которой вряд ли кто-то бывал до сих пор, выступает женщина. Так в дискурс психоанализа входит женщина – как ценный внутренний объект (мужской) души и проводник на "королевской дороге" в бессознательное.

Позже К.Г.Юнг назовет ее Анимой – архетипом, мощной автономной силой коллективного бессознательного, и также проводником, функция которой – связать сознательную часть мужской личности с его Высшим "Я" или Самостью, центром целостной личности человека и образом Бога в его или ее душе (6).

В этих суждениях отражается "возврат вытесненного содержимого (коллективной) души", восходящее понимание значения, и важности женского принципа культуры как для коллективной души, или социума, так и для индивида.

На исходе классического и сугубо рационального XIX века меняется парадигма мышления. Стык двух столетий ознаменован рождением психоанализа – науки о бессознательном; особое значение обретают иррациональные элементы культуры. И не случайно книга, сплотившая вокруг З. Фрейда его первых последователей, называлась "Толкование сновидений".

Профессия женщин

Принято считать, что для раннего этапа развития психоанализа характерно то, что события здесь разворачиваются, прежде всего среди мужчин - лидеров и последователей, отцов и сыновей, членов сфантазированной Фрейдом "первобытной орды", где "братья" соперничают друг с другом и восстают против гнёта "отцов" или им покоряются. Женщины как будто бы пассивно участвуют в "мужской игре" выступая больше как единицы обмена, "бартерной сделки", и даже жертвоприношения, чем как равноправные партнеры (1).

Однако более углубленный анализ заставляет существенно корригировать это представление. Мы должны признать, что в построении теории и метода психоанализа женщины участвовали активнейшим образом, а их вклад в его развитие отнюдь не ограничивается пассивной ролью объекта мужского любопытства, исследования и лечения. На какое-то время героини раннего периода становления психоанализа были забыты или стали невидимы, будучи включенными в мужские парадигмы и дискурсы. Деяния этих женщины ждут нашей справедливой оценки, а они сами должны занять подобающее им место в истории.

Предлагаемая статья задумана как часть женского дискурса, она реализует попытку взглянуть через призму женских историй на разворачивающиеся исторические события, а также выявить женщин как субъектов культуры.

В то же самое время хотелось бы избежать и упрощений, таких, как возможная предпосылка, что история, признающая и отражающая женщин, является просто историей женских добродетелей. Наша цель была бы достигнута, если бы нам удалось показать, что

¹ **Василяускене Лилия Хенрика** – психолог, психотерапевт, юнгианский психоаналитик, директор Кризисного центра при общественной организации «Вильнюсский дом женщин» (г. Вильнюс, Литва).

среди психоаналитиков-практиков, как и среди творцов теории и метода психоанализа, с самого начала не было недостатка в выдающихся женщинах, - по правде говоря, здесь они встречаются, пожалуй, даже чаще, чем в других подобных профессиях.

Психоанализ, наверное, единственная профессия, процесс овладения которой – это континуум опыта, простирающийся от переживаний анализируемого или клиента до компетенции практикующего специалиста и статуса эксперта. Большое число женщин-клиенток успешно выполнили этот переход между крайними точками спектра – Эмма Экштейн, Сабина Шпильрейн, Лу Андреас-Саломе, Хелен Деуч, Эва Розенфельд, как и младшая дочь З.Фрейда Анна Фрейд. Этот неполный список, датируемый тем временем, когда доступ к профессиям был особенно затруднён для женщин, показывает, что утверждение, будто "психоанализ – это женская профессия", несёт в себе более чем толику истины.

Точно также трудно было бы считать женщин, таких сильных и независимых, как Лу Андреас-Саломе или Мари Бонапарт, всего лишь пешками в "шахматной игре мальчиков". Так начинается история психоанализа и участие в нём женщин: женщины как пациентки – истерички стали первыми клиентами психоаналитиков, нередко и очень одаренными. Именно пациентки З.Фрейда – женщины заставили его сосредоточить внимание на женской сексуальности и семье, проблематизировать те области "эмоциональной работы", которые традиционно считались "женским делом". И тогда, неожиданно для всех, женщины сами взяли за эту профессию, доказав, что являются достаточно талантливыми, чтобы стать не только практикующими аналитиками, но и создавать теорию психоанализа.

Спустя сто лет с начала психоаналитического движения мы обязаны, наконец, признать, что женщины-аналитики обогатили теорию и метод психоанализа привнесениями, ставшими неотделимой его частью. Одной из них было суждено даже сделать открытия, оказавшие формирующее влияние как на становление взглядов К.Г.Юнга, так и на концепцию позднего З.Фрейда, которая была им завещана в качестве окончательной формулировки всей его доктрины. Имя этой женщины - Сабина Шпильрейн и она больше, чем кто-либо заслуживает быть названа классиком психоанализа.

Истерия – проблема женщин

Психоанализ, как и феминизм, появился на свет Божий как ответ на потребности "истерических женщин". "Истерия" – эмоциональные переживания, психические состояния и демонстрируемые телесные симптомы – стала типичным символом культуры, отразившим генерализованную реакцию женщин на их положение в западном обществе и семье в конце XIX – начале XX века.

Истеричные пациентки вынуждали врачей искать новые методы их лечения. Однако глядя с перспективы времени мы видим, что отношение врачей-мужчин к истеричным пациенткам на стыке столетий демонстрировало все характерные черты цветущего мизогинизма, проявляющегося в выборе способов поведения и методов лечения, в поддерживаемой моральной дистанции, демонстративного отмежевания от истеричек, как и в распространении теорий о гинекологическом происхождении симптомов истерии и даже в применении хирургических вмешательств...

С одной стороны, ярлык "истерия" служило стереотипом, оправдывающим определённое отношение к женщинам, бытовавшее в обществе как защита от женских aspirations и крепнущего протеста на фоне поднимающегося организованного женского движения и выдвигаемых им требований равенства полов и активного самопроявления женщин в обществе.

С другой стороны, "истерия", распространившаяся на стыке веков как истинная социальная эпидемия, является и определённым изобретением самих женщин - стратегией их (пассивного) сопротивления господству мужчин. Мы можем лишь попытаться представить, каким оскорблённым и униженным должен был чувствовать себя "учёный муж", столкнувшийся с хроническими, труднообъяснимыми и постоянно меняющимися симптомами, всеми этими вызовами, которые бросали врачу его пациентки-истерички. Не зря самый

длинный раздел в изданной в 1895 году книге Бройера и Фрейда "Этюды лечения истерии", написанный Фрейдом – это раздел о психотерапии, читаемый как руководство для врача, решившего вступить в поединок воли со своими пациентами, и победить в нем.

Несмотря на то, что первая волна феминистской историографии была склонна изображать женщину-истеричку как пассивную жертву врачей-мужчин, злоупотребляющих авторитетом и властью, позднее были сделаны и иные выводы. Диана Хантер утверждает, что "феминизм - это трансформированная истерия, или точнее – истерия есть феминизм без сети взаимодействия во внешнем мире". Более акцентируя вопрос половой тождественности, чем социальной силы, Джейн Геллоп рассуждает: "Если феминизм квестионирует репрессивные и ограничивающие модели гендерного поведения, то истеричка может считаться *протофеминисткой*" (2).

Итак, истерия как социальное явление – по праву может считаться формой сопротивления женщин их подавлению со стороны мужчин или же мужскому насилию, в семье и обществе. Постмодернистский мыслитель Мишель Фуко анализирует насилие как политический феномен, как функцию и механизм власти. Феминистская критика переносит этот методологический принцип в плоскость гендерных отношений(3,7). В рамках нашего анализа можно утверждать, что "борьба волений", в которую на стыке веков неизменно вступали врачи и их истерические пациентки, истовые усилия врачей-мужчин "излечить" истеричек и столь же рьяное сопротивление последних, отразили определённый дисбаланс властных отношений между полами, который был выдвинут в качестве социально-политической проблемы организованным женским движением в конце XIX – начале XX века.

По утверждению Фуко, парадокс власти заключается в том, что власть – по сути своей невидима; она всегда анонимна (7). Кроме того, воздействие власти оказывается эффективнее, если насильственному ее влиянию подвергается не тело, а душа индивида. Патриархальные общественные структуры и институты закрепляют власть мужчин – они "сделаны *из* мужчин и *для* мужчин", и реализуют мужской дискурс. Дискурс же – всегда сочетание факта и фантазма; дискурс как речевая практика, это всегда "заинтересованное говорение".

Заинтересованная "мужская логика" не может признать женскую субъективность, "безумную женскую инаковость", с ей присущим способом телесного бытия и восприятия в культуре. Она старается насильственно ликвидировать всё, что не отвечает требованиям мужского дискурса, "вылечить", объяснить, объективировать, и таким образом подчинить его рациональным структурам сознания. С точки зрения мужского дискурса женщина должна "признаться", "объясниться". В конце XIX века одной из важнейших областей "признания" стала женская сексуальность (7). "Признающаяся женщина", как объект пристального исследования, – это субъективность, раскрывающая тайну своей телесности (сексуальности) Другому, мужчине – судье, врачу, аналитику. Он выслушивает тайные, запретные женские мечтания и фантазмы, и судит её желание (7).

Вот тот контекст, в котором зарождался Фрейдовский психоанализ. Впрочем, с самого начала следует подчеркнуть, что взгляд самого Фрейда на природу истерии в целом и на истеричных пациенток в частности значительно отличается от взглядов большинства его современников, врачей-мужчин. Фрейд в большей мере способен узреть за болезненными проявлениями и телесными симптомами страждущую душу пациентки и услышать ее историю.

Анализ Фрейда представляет роль больной женщины как функцию того глубоко конфликтного положения, в котором она оказалась. Истерические симптомы – это компромисс между желанием убежать от неразрешимого конфликта и протестом против невозможной позиции, в которую она поставлена. Это пассивное сопротивление системе социальных экспектаций, сконструированной вокруг её пола, которая одновременно является и продуктом этой культуры, и ее осуждением, обвинением (1).

Рисуя образ женщины, которая ещё в детстве открыла для себя, что болезнь позволяет ей рассчитывать на то внимание и привилегии, которых иначе она лишена, Фрейд показывает, как такая женщина бессознательно использует свою болезнь "в браке с невнимательным и бесчувственным мужем, который подчиняет своим целям её волю, безжалостно эксплуатирует

её способность к труду и даже не подумает окружить её ни своим вниманием, ни осыпать деньгами" (1).

Во время Первой мировой войны в Европе были описаны случаи "мужской истерии": замечалось, что похожие проявления "бессилия и нехватки автономии поведения" в окопах демонстрируют солдаты-мужчины. Истерию начали ассоциировать с бессознательным сопротивлением личности невозможным условиям жизни, как форму пассивного протеста, не связанного с наличием или отсутствием *матки*.

Женщина, которая изобрела психоанализ: Берта Папенхайм

Фрейд любил подчёркивать, что психоанализ открыл кто-то другой, но не он. Этим открывателем был Йозеф Бройер, старший коллега и ментор молодого Зигмунда Фрейда, а психоанализ был рожден во время лечения Бройером *Анны О.* - Берты Папенхайм. Фрейд убедил Бройера записать историю лечения Берты, которая и была опубликована в 1895 году как первая часть книги "Этюды лечения истерии".

В этой книге Бройер рассказал историю о длительном и сложном процессе общения доктора и пациентки, в результате которого она изобрела "разговорное лечение" или "лечение беседой", поначалу названное Бройером и Фрейдом "катартическим лечением". Так родился психоанализ – как результат тесного и эмоционально насыщенного сотрудничества доктора Бройера и его талантливой пациентки, как плод их совместных усилий.

В позднейших свидетельствах Фрейд охотно признавал заслуги обоих участников действия, Бройера и Берты. Однако сам Фрейд, участвовавший в этом процессе больше как сторонний наблюдатель, пришёл к глубоким теоретическим выводам, возмевшим значение для всего дальнейшего развития психоанализа.

То, что привлекло внимание молодого Зигмунда Фрейда и сделало этот случай лечение истерии таким знаменательным, - были обстоятельства, выявившие (бессознательный) отклик личности врача на проявления сексуальности пациентки. С перспективы времени можно утверждать, что случай *Анны О.* включает все характерные составные части психоанализа, а именно, сексуальность, вытеснение и перенос, или "любовь в переносе" (*transference love*) (1).

Сам Фрейд в это время искренне верил, что, в отличие от доктора Бройера, он никогда не испытает похожих осложнений в отношениях с пациентами, как Бройер с Бертой. В письмах своей невесте Марте Берне Зигмунд прямо и заверяет её в этом. Любопытно, что Марта, судя по ныне опубликованной переписке того периода, лучше осознает таинственные страсти, циркулирующие между доктором и его пациенткой, и весьма скептически относится к убежденности своего жениха (1).

Время показало, что она была права: отношения Бройера и Берты выявили универсальный принцип, или феномен "*перенесённой любви*", который снова и снова обнаруживает себя в пространстве аналитических отношений. Опыт же самого Фрейда, приобретенный им во время наблюдения за динамикой отношений Бройера и Берты, стал для него значимой опорой в последующие годы практики, при столкновении с подобными трудностями лечения истерии.

Таким образом, вместе со "случаем" *Анны О.* был обнаружен феномен переноса, универсальный принцип психоаналитических отношений. Однако понадобилось ещё немало времени и усилий для того, чтобы полностью осознать его теоретическое значение и практическую важность для метода и техники психоанализа.

В 1909 году в письме Юнгу Фрейд упоминает о том, что, как он говорит, ещё не может раскрыть "враждебно настроенной публике", а именно, что *излечение происходит через любовь*. В статье "Заметки о любви в переносе", опубликованной в 1915 году, З. Фрейд уже открыто заявляет, что перенос, без которого анализ просто не возможен, не тождественен любви, но любовь – одна из самых важных его составляющих, и она помогает аналитику лечить наиболее эффективно. Любовное желание пациента и его тоску по взаимности в процессе анализа необходимо поддерживать как силы, побуждающие к внутренней работе и трансформациям.

Однако единственная правильная точка зрения на переживаемую пациентом перенесенную любовь в анализе – это понимать её символически, подчёркивая аспект сопротивления, но и не отрицая аутентичность этой любви (1).

В чем суть феномена переноса? Теперь нам уже известно, что во время аналитического лечения неизбежно возникает эмоциональный процесс, всем похожий на любовь. Будучи спроецирован на отношения врач – пациент, этот процесс создаёт условия для выздоровления пациента, но и является источником весьма опасного опыта, глубоко затрагивая обоих участников, заставляя их окунуться в бессознательное друг друга. Успех лечения во многом зависит от того, насколько аналитику удаётся совладать с процессом переноса.

Любовь двух людей всегда стремится к взаимности, к сексуально-эротическому воплощению "здесь и теперь". Того желает и возникающая в процессе анализа любовь в перенесении; она является основой обоюдного искушения и соблазнения аналитика и пациента. Однако эта любовь никоим образом не должна быть "непосредственно отреагирована" (acted out) – пережита как сексуальная связь. Эротический перенос, появляющийся в контексте отношений между аналитиком и пациентом, должен быть сублимирован и пережит в символическом плане, только тогда перенесённая любовь будет иметь лечебную силу.

По какой же причине возникает любовь в переносе и почему она признаётся частью лечебного метода, а не просто досадной complication отношений, как можно было бы подумать, не углубившись в проблему? Прежде всего, потому, что перенесённая любовь приходит из детства пациента; по сути своей она и не принадлежит отношениям аналитик – пациент, а просто на них *переносится*. Проекция инфантильных эмоций и неудовлетворенных потребностей в русло чувств, переживаемых взрослым уже человеком, позволяет заново пережить детские психосексуальные травмы, и, при помощи аналитика, справиться с ними. Этот процесс и ведёт к "выздоровлению" – большей эмоциональной зрелости, интеграции в сознание бессознательных содержаний, а также усилению (консолидации) Ego.

Неудовлетворённые в детстве эмоциональные потребности в жизни взрослого человека создают напряжение между его/её сознанием и бессознательным, и отрицательно влияет на социальную приспособляемость. Однако сознанию человека они труднодоступны, поскольку были вытеснены в бессознательное, и там удерживаются. Они могут снова всплыть, быть пережиты и трансформированы только посредством переноса, через любовь к аналитику. Так же как и в детстве, эти переживания должны быть разделены двумя людьми.

Важно добавить: успешное переживание перенесённой любви и её символическое осмысление ведёт к выздоровлению. Однако, и это важно, - к выздоровлению, но не к счастью. Ведь воплощение этой любви здесь невозможно так же, как недостижимо оно было и в детстве...

Успех переживания перенесённой любви, а вместе с тем и всего аналитического лечения зависит от усилий обоих участников, но бремя ответственности ложится на плечи аналитика. Путём бессознательных проекций пациент наделяет своего доктора безграничной властью и авторитетом, подобно тому, как ребёнок считает всемогущими своих родителей, становясь открытым для влияния, зависимым и легкоуязвимым. Поступок врача, его слабость или случайная ошибка могут иметь решающее влияние на судьбу пациента.

Но в чём же значение Берты Папенхайм, в отличие от *Анны О.*, для психоанализа? Была ли она просто удобным случаем, послужившим созданию теории? Сегодня существует твёрдая уверенность в том, что, если бы не эта необыкновенная женщина и другие пациенты, такие же талантливые и смелые, как она, способные руководить лечению, брать в свои руки контроль над процессом, соблазнить и одурачить докторов, вовлекая их в ловушки фантазий, правды и заблуждения, то психоанализ бы никогда не появился на свет Божий.

Особого внимания заслуживает и ошеломительная диалектика, с трудом осознаваемая разница между очаровательной, но потрясенной и растерянной молодой девушкой из буржуазной семьи и активной феминисткой-филантропкой, какой Берта Папенхайм вошла в историю. Благодаря усилиям Бройера и своим собственным излечившаяся от невроза, Берта прожила жизнь активного борца за права женщин: она стала "успевающей истеричкой".

Кроме всего прочего, Берта Папенхайм перевела на немецкий язык работу Мэри Вулстонкрафт "Нарушение прав женщин" - хорошая параллель переводу З.Фрейда труда Дж. С. Милиа "Женская эмансипация" - и написала драму "Право женщины", в которой выявляется политическая, экономическая и сексуальная эксплуатация женщин (1).

Одна из её соратниц образно охарактеризовала Берту следующим образом: "В этой женщине жил вулкан... она думала только о вещах, непосредственно связанных с её целями. ...Она чувствовала трагизм этой борьбы... Её сопротивление насилию над женщинами было для неё почти как физически ощущаемая боль. Отсюда её страстная борьба против белого рабства" (1).

Нужно заметить, что Берта Папенхайм – женщина, которая открыла психоанализ, - отнюдь не одинока в выборе образа жизни активной феминистки. Похоже, путь борца за права и равные возможности женщин – довольно типичная "параллельная карьера" пациенток З.Фрейда.

Берта Папенхайм выдвинулась в конце 1890-х и вошла в историю как "первый социальный работник современной Германии". Так её называли, несмотря на недвусмысленно выказываемой самой Папенхайм неприязни к социальной работе как к профессии. Можем только гадать, действительно ли лечение у Бройера создало основу для её последующей активной жизни. Однако каждый скажет, что Берта Папенхайм так непохожа на *Анну О.*, как непохожа бабочка на свою гусеницу. Было ли "катартическое лечение" её коконом – этого мы не знаем, и не узнаем никогда(1).

Первая женщина-аналитик: Эмма Экштейн

Первая женщина-аналитик Эмма Экштейн начала свои отношения с психоанализом тоже как пациентка-истеричка. Прежде чем начать практиковать самой, она пережила целый ряд кризисов, непосредственно связанных с методами, применявшимися в процессе ее лечения. Эмма начала анализ у Фрейда в начале 1890-ых, а решающая фаза её лечения, скорее всего, развивалась между 1895-м и 1897 годами, совпав с провозглашением фрейдской теории соблазнения и открытием значения сновидений.

После того как была опубликована переписка Фрейда – Флиса, случай Эммы получил некое большее освещение в подробностях, а вместе с тем раскрылась и закулисная сторона лечения – не слишком элегантная история отношений между пациенткой-женщиной и двумя "учёными мужами".

В 1894 году Флис нанес визит Фрейду в Вене, осмотрел Эмму и назначил ей операцию носа, которая должна была облегчить некоторые имевшиеся у пациентки симптомы, связанные, по мнению доктора, с *мастурбацией*... Проведя операцию, Флис вернулся в Берлин. Однако вследствие этого хирургического вмешательства состояние Эммы ухудшилось настолько, что Фрейду пришлось срочно вызывать венского хирурга. Примечательно, что на помощь поспешила и жизнь Эмме спасла женщина-хирург (1).

Пытаясь остановить кровотечение, врач извлекла из носовой полости Эммы полуметровый марлевый тампон, оставленный там Флисом во время операции. История гласит, что, когда тампон был вынут, в комнате распространилось такое зловоние гниющего человеческого тела, что Фрейду пришлось срочно удалиться в другую комнату - его стошнило. Вернувшись к постели больной, он был встречен саркастическим замечанием Эммы: "Так это был сильный секс" (1).

Переписка ученых мужей из Берлина и Вены в течение двух последующих недель полна беспокойства. Фрейд пишет Флису: "Значит, мы поступили с ней несправедливо; она вовсе не была ненормальной". Однако, как только опасность для жизни пациентки миновала, Фрейд вновь принимается за осторожное маневрирование, высказывая гипотезу, что кровотечение у Эммы, возможно, имело психогенную причину... (1)

Сквозь призму этой истории мы видим Фрейда в очень затруднительном положении. Он вынужден лавировать между Флисом и Эммой, Флисом – и другими докторами, которые

приняли у него этот случай с почти фатальным исходом, в самый критический момент. Фрейд должен выбирать, на чьей он стороне, и в конце концов принимает решение пожертвовать женщиной, сохраняя при этом близкие отношения со своими друзьями, коллегами и авторитетами – прочими мужчинами.

История лечения Эммы ставит вопрос о лояльностях и выявляет непрочность положения Фрейда в медицинской среде того времени, его участь первопроходца и потребность в поддержке со стороны других врачей-мужчин и вообще медицинской общественности. Эта история раскрывает и переживаемый Зигмундом перенос в отношениях со Вльгельмом Флисом – привязанность Фрейда к Флису, его потребность в идеализации медицинского знания старшего коллеги, как и медицинского знания вообще, включая свое собственное, и постепенное разочарование в берлинском пророке, от чьей личности и безумных медицинских идей он был в то время зависим. В перипетиях истории лечения Эммы Фрейд решает нелегкую задачу – оставаясь верен психоанализу, он должен оправдать не только свою *профессию*, он должен оправдать свой *пол*.

Так или иначе, но отношения между Эммой Экштейн и ее доктором выдержали испытание. Позже в этом году Эмма продолжила сеансы психоанализа у Фрейда, а позднее сама стала аналитиком. Предполагается, что Эмма и была той пациенткой, которая, пробуждаясь после гипнотического транса, обняла Фрейда за шею и нежно поцеловала, убедив его тем самым, что феномен переноса не ограничивается отношениями Бройера и его пациентки *Анны О.* ...

Эмма также фигурирует в истории психоанализа как *Ирма* или описанный Фрейдом *случай Ирмы*. Приснившийся мэтру знаменитый *сон Ирмы* символически положил начало важному этапу развития психоанализа, связанному с открытием значений снов и их использования в целях анализа(1). Есть основания считать, что сотрудничество этой пациентки с ее врачом Зигмундом Фрейдом многому научило их обоих. Видимо, прав исследователь Корнелиус Касториадис, утверждая, что именно отношения с пациентами сделали З.Фрейда тем, о ком стоит вспомнить.

Первая женщина-теоретик: Сабина Шпильрейн

Сабина Шпильрейн, первая женщина-аналитик, чьи теоретические работы имели решающее влияние на развитие психоанализа, не только начала свои отношения с психоанализом как пациентка, но и сформировалась как аналитик, вырвавшись из "аналитического треугольника, который составляли, кроме нее, Зигмунд Фрейд и Карл-Густав Юнг – два величайших творца психоанализа. Этой необыкновенной женщине было суждено оказывать непосредственное влияние на развитие теорий и того, и другого, однако ни один из них прямо не признал исключительного значения ее идей на создание психоаналитического дискурса.

В контексте того времени Сабина Шпильрейн выделяется особым своеобразием мышления, яркостью своей личности и независимостью. "Шпильрейн" означает "справедливая, честная игра". Именно эти слова кратко и точно характеризуют всю жизнь этой женщины.

Карл-Густав Юнг в автобиографической книге "Воспоминания, сны, размышления", вспоминая в конце своей долгой жизни о пациентках-женщинах, обдумывая и давая оценку их значительности для развития теории и метода психоанализа, пишет: "Большинство моих пациентов были женщины. Зачастую они включались в работу с чрезвычайной добросовестностью, пониманием и интеллигентностью. Это их заслуга, что я сумел открыть новые пути анализа" (6).

"Случай", который больше, чем какой-либо другой, подвигнул Юнга к поиску новых аналитических путей, была первая его как аналитика пациентка, муза, любимая женщина – Сабина Шпильрейн. Эта женщина открыла для него множество важных вещей, в том числе –

архетипы «Персона», «Анима», «Тень» и другие неотделимые теоретические конструкты (конструкции, структуры) аналитической психологии Юнга.

Сабина Шпильрейн: ранняя биография

*"Многое должно быть разрушено,
чтобы было создано новое".
Сабина Шпильрейн*

Сабина Шпильрейн родилась 7 ноября 1885 года в Ростове-на-Дону, в зажиточной еврейской семье. Её отец был предпринимателем. Мать получила университетское образование, была активной, много путешествовавшей женщиной. Мать Сабины Шпильрейн прилагала энергичные усилия, чтобы дочь как можно дольше ничего не знала о сексуальности, и даже сказала, что биология должна быть исключена предметов, преподаваемых в Ростовской гимназии (1).

С самого детства Сабина была очарована идеей "великого создания". Она проводила химические опыты с различными помещёнными в разные сосуды жидкостями, веря, что в один прекрасный день здесь произойдёт "великое творение". "Opus Magnum" - очень уж как в алхимии, очень по-юнговски, не правда ли? Анализируя свой "случай", позднее Шпильрейн показала, как интерес к науке возникает из потребности, подрастая, иметь необходимые знания о сексуальности.

Уже в детстве Сабина страдала от тяжёлого (травматического?) невроза, а позднее перенесла психотический эпизод. По этой причине осенью 1904 года её помещают в Бюргхольцскую клинику в Цюрихе. Её врачом был назначен молодой психиатр Карл Густав Юнг. В клинике Сабина провела девять месяцев и уже в апреле 1905 года, ещё до её официальной выписки из больницы, поступила в Цюрихский университет, чтобы изучать медицину. В 1910 году Сабина Шпильрейн успешно защитила диссертацию доктора медицины.

Таким образом начинается необычная история её жизни: Сабина Шпильрейн - и первая пациентка (госпитализированная) в психиатрической клинике, после психотерапевтического лечения плавно сменившая палату на аудиторию, прекрасно заканчивает учёбу и становится аналитиком и теоретиком в этой науке. Как подчёркивает Хуго Бетельхейм, нельзя забывать, что важнейшим событием ранней юности Сабины было то, что случившееся между ней и Юнгом "ничто" её вылечило (1).

Аналитический треугольник

Как вкратце рассказать историю молодого доктора Юнга, его пациентки Сабины Шпильрейн и мэтра Фрейда?

Из письма Сабины Шпильрейн Фрейду и 1909 году: "(...) он мне сказал: "Такие умы, как твой, оказывают влияние на развитие науки. Ты должна стать психиатром". Я заговорила о равенстве женщин и интеллектуальной самостоятельности, на что он ответил, что я - исключение (...)" (2).

То, что равенство женщин-учёных для мужчин той поры было исключением, а их субординация - правилом, доказывать не нужно. Однако отношения между врачом и его юной пациенткой складывались довольно необычно. Их интеллектуальная общность, почти телепатическая связь, горячие теоретические дискуссии, во время которых нащупывались и получали названия факты жизни души, тесно переплетались с не менее интенсивными теоретическими и мистическими переживаниями.

Судя по письмам и дневникам Сабины Шпильрейн, около 1908 года роман достиг зоны опасного напряжения (2). Родители Сабины неожиданно получают анонимное письмо, где их просят забрать из Цюриха дочь, которой здесь грозят серьёзные опасности. Предполагают, что

письмо написала жена Юнга Эмма Юнг. Мать Сабины просит доктора Юнга объясниться. Она приезжает в Цюрих, но Юнг отказывается её принять. Вместо этого он пишет ей письмо, в котором выдвигает требование платить ему гонорар за лечение дочери: "... я не чувствую себя профессионально обязанным, поскольку никогда не требовал гонорара". Если гонорар будут платить, тогда "... Вы можете надеяться, что я не пренебрегу своими врачебными обязанностями в любых обстоятельствах". В противном случае "... никто не сможет помешать двум друзьям поступать так, как им нравится" (1, 2). Скандал.

Столкнувшись с поведением, которое трудно назвать иначе, чем предательством, Шпильрейн бросается на защиту Юнга – чтобы защитить саму себя. 18 месяцев спустя она записывает: "Самым важным для меня было сохранить свой идеал". Проявив тонкое чувство приличия, она обращается к Фрейду – как к старшему, как к учителю, - к "институту отца", решению которого, как она чувствует, Юнг должен будет покориться.

Опасаясь публичного скандала, который может повредить его репутации, Юнг пытается предотвратить нежелательные события и также пишет Фрейду, жалуясь на "невротическую неблагодарность" своей пациентки, возникшую лишь потому, "что я отказал себе в удовольствии позволить ей родить от меня ребёнка" (1).

Фрейд отказывается от роли судьи, он любезен со Шпильрейн, однако явно поддерживает своего любимого ученика и предполагаемого наследника на троне психоанализа. Из письма Фрейда Юнгу: "Эти женщины, те психологически совершенные способы, которые они используют, чтобы очаровать нас, пока не достигнут своих целей, являются одним из величайших чудес света. Однако, когда цель достигнута или выявляется противоположность, картина поразительно меняется".

"Эти вещи" научили нас быть более толстокожими и преодолевать "контраперенос", который в конце концов является постоянной проблемой; они учат нас устранять наши собственные аффекты и добиваться преимущества; они – "тайное благословение" (2).

Шпильрейн серьёзно воспринимает поучения Фрейда "задушить эту любовь". Она и сама понимает, что оказалась в центре опасного клубка обстоятельств. Но всё же в письмах к Фрейду она излагает свою версию событий, подкрепляя её любовными письмами Карла Густава, другими документами. К чести Фрейда следует признать, что он проявляет немалую гибкость, пересмотрев свою первую гипотезу событий и отношений, основанную больше на утверждениях и интерпретациях Юнга.

Через несколько дней Юнг уже может рапортовать Фрейду, что "пациентка освободилась из тисков невроза переноса самым приемлемым образом". Тот, "приемлемый способ" означает вот что. Она выдвигает условия: Юнг должен письменно извиниться перед её родителями, письменно признаться во всём Фрейду, кроме того, она желает получить письменное подтверждение Фрейда о том, что Юнг действительно во всём ему признался. Юнг соглашается со всеми требованиями.

Из письма Юнга Фрейду: "Я воображал, что участвую в теоретической беседе, однако, разумеется, внутри таился Эрот. Все прочие желания и надежды я приписывал своей пациентке, не видя того же в самом себе. (...) Под влиянием этой иллюзии я сделал себя жертвой сексуальных желаний своей пациентки... (1).

Фрейд в свою очередь добросовестно пишет Шпильрейн письмо с извинениями, подчёркивая, что в таком деликатном вопросе он всегда - на стороне дам... В письме Фрейда читаем и следующие слова: "Прошу принять мою самую искреннюю признательность по поводу выбранного вами достойного способа, которым вы разрешили этот конфликт". Итак, воцаряется мир.

Получив моральную поддержку от самого Зигмунда Фрейда, Сабина Шпильрейн не только находит в себе силы справиться с кризисом, но и становится ярчайшей звездой на небосводе психоанализа, одной из теоретиков психоанализа / аналитической психологии. Не завися ни от одной из двух, постоянно конфликтующих, партий, она, как равная с равными, переписывалась с обоими выдающимися учёными мужами психоанализа. Читая её письма, убеждаемся, что она считала своим долгом напомнить как Юнгу, так и Фрейду, что их теории

имеют больше общего, чем различий, и ради блага новой "науки о душе" они не должны отмежевываться друг от друга. История подтвердила прозорливость Сабины Шпильрейн.

Дневники и письма Сабины Шпильрейн, позволяющие не только восстановить последовательность событий, но и углубиться в причины, мотивирующие эти события, - это документы, наполненные особой силой, душевной болью и светом переживаемых человеческих страстей. Удивление вызывает и необычайное упорство этой удивительной женщины в достижении "сатисфакции", когда затронута её честь. Её особое умение заставить любимого человека исправить ошибку, и снова поступать достойно, таким образом снова обрести утраченные иллюзии о самой себе. Шпильрейн отказывается быть "жертвой обстоятельств"; она активно творит события, формирует отношения, беря на себя ответственность за свою судьбу.

Зигфрид и другие дети

История отношений Сабины Шпильрейн ещё раз поднимает тему партнёрства аналитика и пациента и их обоюдной зависимости. Активизируется требование ответственности аналитика, его уважения и лояльности по отношению к пациенту, по-новому воспринимается необходимость теоретического осмысления ролей аналитика и пациента. "Точно так же, как существует любовь-перенос, существует и любовь-контрперенос", - замечает юнгианский аналитик Альдо Каротенуто (2).

Это также создание нового дискурса в плоскости отношений мужчин и женщин. Альдо Каротенуто, анализируя в книге "Скрытая симметрия: Сабина Шпильрейн между Фрейдом и Юнгом" природу отношений Шпильрейн и Юнга, цитирует Гегеля, который в юности написал прекрасные страницы о любви. Гегель утверждает: "Подлинный союз или настоящая любовь существуют лишь среди живых существ, подобных друг другу в аспекте власти и силы, и поэтому в глазах друг друга они живы с любой точки зрения; никоим образом они друг для друга не мертвы" (2).

В аналитической ситуации, особенно в начале никакой симметрии не может быть в принципе. "Неравные любовные" отношения одинаково воздействуют как на личность пациента, так и на личность аналитика; коснувшись огня – живых аффектов и фантазий другого лица – невозможно не обжечься. Возникает архетипическая тема "раненного врача", которую позднее Юнг развил, представив как типичную модель психотерапевтических отношений. Карл-Густав осмысляет болезненно пережитую любовь-контрперенос, призывая на помощь мудрого мифологического кентавра Хирона, судьба которого в тот момент стала его судьбой. Миф, по мнению Юнга, - это то, чего никогда не было, но постоянно совершается – в душе человека.

Из письма Юнга Сабине Шпильрейн: "Верни мне, в этот час моей агонии, хотя бы толику той любви и вины, и альтруизма, которые я сумел дать тебе во время твоей болезни. Сейчас я – тот, кто болен". Письмо написано, спустя несколько дней после того, как жена Юнга Эмма родила ему долгожданного сына Франца. В то время Юнг чувствовал, что он балансирует на грани психоза. Некоторые авторы считают это доказательством, что Зигфрид - их общий ребёнок-фантазия действительно был фантазией их обоих, как утверждала Шпильрейн, а Юнг эвентуально пытался опровергнуть (1).

Шпильрейн всегда подчёркивала, что, говоря о воображаемом ребёнке их обоих, солнечном герое Зигфриде, который объединил бы арийскую и семитскую расы и стал новым спасителем человечества от темноты и зла, она всегда имела в виду не реального младенца, а символическую, трансцендентальную реальность. Отправляя Юнгу свой важнейший теоретический труд "О роли разрушения в процессе созидания" ("Destruction as a Cause of Coming to Being"), Шпильрейн пишет: "Мой милый, прими плот нашей любви, исследование, которое и есть твой маленький сын Зигфрид. (...) Зигфрид принёс мне творческое вдохновение, хотя ему и суждено жить в мире теней прозерпины. Я не хочу смущать твой покой; наоборот, моя диссертация должна как можно больше способствовать твоему благу" (2).

Спустя 10 лет после окончания их романа Юнг писал Шпильрейн: "С. Любовь к Ю. заставила последнего ясно осознать нечто, что он до сих пор только туманно чувствовал: таящуюся в подсознании силу, творящую судьбу личности, силу, которая позднее привела его к открытию чрезвычайно важных вещей. Связь должна была быть "сублимированной", иначе это привело бы его к безумию (подсознательной конкретизации). Иногда нужно быть недостойным, лишь для того, чтобы смочь жить дальше" (1, 2).

Ах, недостойным он был, и лучше всех об этом знала сама Сабина. Игра должна быть "чистой", не так ли? К её чести следует сказать, что её игра была и оставалась чистой. Юнг был первой любовью Сабины, и она долгие годы боролась с поработавшей силой этой любви. Нам может трудно поверить в то, о чем свидетельствуют письма и дневники Сабины Шпильрейн, особенно если иметь в виду женщину, испытавшую психотическое потрясение, которой всего 20 с небольшим лет и она живёт в чужой стране. Её личные документы отражают болезненное, твёрдое, вновь и вновь повторяемое решение не стремиться утвердиться в жизни этого мужчины, рядом с ним ("...первая любовь не выдвигает требований"), а идти своим избранным путём.

В этом контексте представляет интерес одно замечание Фрейда, совершенно для нехарактерный ответ женщине, которая спросила, иметь ли ей детей? Анализируя один из снов Сабины из серии Зигфрида, Фрейд замечает: "Вы же знаете, вы могли иметь этого ребёнка, если бы захотели, но какой бы это стало тратой вашего таланта и времени, etc., etc." (1). Эти слова мэтра прозвучали как высочайшая оценка, они вселяли смелость и силы.

Вклад в психоанализ

Из дневника Сабины Шпильрейн 1909 года: "Эта бессмертная фраза: "Я частица той силы, которая вечно жаждет зла и вечно творит добро". Демоническая сила, суть которой – разрушение (зло) – тем самым является и созидательной силой, потому, что из разрушения двух индивидов появляется новый индивид. Это и есть сексуальное влечение, в природе которого таится потребность в разрушении, стремление индивида к самоуничтожению. Именно по этой причине оно должно победить такое сильное сопротивление в каждом человеке" (2).

Какие работы Сабины Шпильрейн принесли этой талантливой женщине звание теоретика и создательницы психоанализа и бессмертие в пантеоне классиков психоанализа? И какие же психоаналитические идеи, ныне считающиеся классическими, берут своё начало в её работах?

В 1911 году, при рецензировании Э.Блэйера, руководителя Бюргхольцской клиники и К.-Г.Юнга она защищает диссертацию на тему: "Психологическое содержание случая шизофрении". В том же году работа была опубликована в важнейшем альманахе психоаналитического движения "Jahrbuch". Публикация Сабины Шпильрейн на мифологические темы вышла на несколько месяцев раньше, чем у Юнга. Одновременно она уже готовила к печати новую работу. Из дневника Сабины Шпильрейн: "Он (Юнг) призывал меня напечатать моё исследование об инстинкте смерти" (1).

Эта оригинальная идея действительно принадлежит Шпильрейн с 1908 года. Об этом свидетельствует её "Дневник трансформации". Эссе, названное "О роли разрушения в процессе созидания" (9), стало важнейшей теоретической работой Сабины Шпильрейн, в которой ей было суждено ухватить то, что известно в качестве одной из существенных черт аналитической психологии Юнга, а именно смена (символических) циклов смерти и возрождения в душе человека, понимаемая как архетипическое проявление духовного роста. Поспешим добавить, что здесь берёт начало и концепция постулата инстинкта смерти – Tanatos позднего Зигмунда Фрейда.

Работа "О роли разрушения в процессе созидания" эта опубликована в "Jahrbuch" в 1912 году, когда автор покинула Цюрих и переселилась в Вену. Сабине Шпильрейн в то время было 26 лет. Она была единственной женщиной в Венском обществе психоанализа, которую избрали членом 11 октября 1911 года.

Представляя эту свою работу в Обществе, она прямо сказала о существовании постулируемого "инстинкта смерти" в душе человека, основываясь на работах русского биолога родоначальника иммунологии Ильи Мечникова (9). Уникальная судьба постигла опубликованную работу несколько месяцев спустя: работа оказала решающее влияние на формирование взглядов как Юнга, так и Фрейда, однако ни один из них этого не признал, или признал лишь частично и с опозданием.

Авторы исследования доказывают, что деструкция и трансформация являются иннерентными чертами репродуктивного инстинкта. Под действием принципа трансформации жизнь души происходит и развивается в постоянном напряжении между двумя фундаментальными влечениями, для человеческой души характерно это состояние конфликта двух противоборствующих инстинктивных сил. Шпильрейн здесь более "фрейдистская", чем сам Фрейд.

Ego представляет потребность индивида в самосохранении. Однако индивидуальное Я или Ego может лишь распознать возникающие из подсознания рождаемые прокреативным инстинктом желания, которые враждебны ему. Ego - свободен в выборе, принять ли боль или удовольствие, которое даётся растворением в сексуальной любви, приветствовать его и тем самым выполнить добровольный жертвенный акт. Однако Ego не свободен в выборе самого опыта, его ему словно навязывают подсознательные силы, которым Ego инстинктивно сопротивляется. Сексуальная любовь есть преданность другому, принесение себя в жертву, она является антитезой Ego: здесь верх берёт инстинкт сохранения вида.

Человеческая душа противится любви. Деструктивные образы возникают как ответ Ego на угрозу растворить его, таящуюся в сущности сексуального инстинкта; однако это представление характерно и для самого полового инстинкта, который может эффективно проявляться только в разрушении старых форм, т.е. трансформируя старое и создавая из этого новое (9).

Таким образом, еще в 1908 – 1912 годах Шпильрейн описала два фундаментальнейших управляющих жизнью души начала, инстинкты любви и смерти, которые, как известно, высказываются "поздним" Фрейдом и составляют метапсихологическую сущность зрелой концепции психоанализа (5); она также рассмотрела роль этих антагонистских принципов при создании комплекса сопротивления.

Принцип трансформации – это то, что объединяет и удерживает вместе и созидательное, и деструктивное начала. Принцип трансформации или инстинкт решает этот тотальный конфликт, притягивая новый смысл, т.е. рождает объединяющие противоположности символы. В этом постулате нетрудно узнать и принцип сублимации З.Фрейда, и трансцендентальную функцию К.-Г.Юнга.

Неизбежность любви, несущую (само) уничтожение любящего, - вот трагическая суть концепции Сабины Шпильрейн. Сексуальное влечение и есть то, что заставляет личность трансцендентировать и трансформировать себя, толкает его к неизбежному творчеству, деструкции и смерти. Позднее Юнг употребляет понятие "коллективного подсознания", основанное на её наблюдениях о том, что филогенетическая память человечества проявляется через сновидения, фантазии и в мифах. Для Сабины Шпильрейн подсознание "коллективно", поскольку сексуально.

Учёная анализирует и объясняет сопротивление невротиков любви – они выдвигают на первый план деструктивный аспект любви; психотиков же, далеко "улетающих" от своих объектов, по мнению Шпильрейн, подстерегает ирония судьбы: отказываясь от всех внешних объектов, объектом libido они оставляют только сами себя и таким образом себя уничтожают.

Шпильрейн также выстраивает жизнь души вокруг определённых вечных (позднее Юнг скажет: архетипичных) тем: уничтожение, потери, жертвы. Вместе с пережитой с Юнгом их любви во времени, о которой велись бесконечные разговоры, в этой работе её идеи приняли форму концепции.

Сабина Шпильрейн и сама является невероятнейшим примером успешной сублимации. Своими работами она не только увековечила свою (принесённую в жертву) любовь, дав ей

теоретическое осмысление, но и безошибочно определила пути дальнейшего развития психоанализа Фрейда/аналитической психологии Юнга. Кстати, Сабина с детства верила, что в жизни ей суждено совершить что-то героическое и великое: в одном из её ранних снов дедушка и отец становятся на колени перед ней и предрекают ей особенную судьбу...

Другая жизнь

Получили ли признание заслуги Шпильрейн в развитии науки и психологии? Нет, не получили. По нескольким причинам. Одну из них мы уже упоминали, это закреплённая общественным мнением "естественная" субординация женщин - творцов науки перед мужчинами. В начале XX века в мире науки взаимоотношения между женщинами и мужчинами представлялись как мифологема, где обычно действующими лицами выступали выдающийся мужчина, учёный, и анонимная женщина-вдохновительница мужчины, его помощница, служанка, муза...

Мужчины того времени были твёрдо убеждены в интеллектуальной несамостоятельности женщин, их моральной слабости ("недостаточное развитие женского SuperEgo" – постулат в теории Фрейда), а также в неспособности создавать культуру. Творчество женщин, по мнению мужчин той поры, ограничивалось натурой, природным уровнем: женщины рожают детей, мужчины же занимаются творчеством в психологическом и духовном плане...

Похоже, что ни Фрейд, ни Юнг в действительности до конца не понимали идей этой женщины в то время, когда они были обнаружены, так что не осознали даже их ни влияния на свои позднейшие теории.

Однако здесь не обошлось и без определённой "никчёмности". В дневниках Сабины Шпильрейн читаем записи - горькие сомнения о том, может ли "мой друг" (т.е. Юнг) просто использовать мои идеи в своих работах, их присвоить? (2). Справедливости ради нужно сказать, что Юнг несколько раз даже цитирует работы "моей ученицы Сабины Шпильрейн" в "Трансформациях и метаморфозах Libido", исследовании, вышедшем в 1912 году. Эпизодически цитирует и в других работах. Впрочем, явно недостаточно.

В начале 20-х годов Сабина Шпильрейн практиковала в Берлине, Лозанне, Женеве, куда прибыла как официальный представитель Венской группы, направленная Фрейдом для распространения идей психоанализа. Она работала в Институте психологии, которым руководил Эдуард Клапаредо.

В 1921 году она была аналитиком Жана Пиаже. Александр Эткинд в книге "Эрос невозможного" (11) утверждает, что именно тогда сформировался круг научных интересов молодого Жана Пиаже. Интересно и то, что в 1920 году с трибуны 6-го международного конгресса психоанализа Шпильрейн выступила с докладом "О происхождении и развитии языка", в котором представила свои идеи об "аутистическом" и "социальном" языке, первый из которых является генетически старше, а второй появляется на его основе.

Именно эта проблематика позднее стала главным направлением научных исследований Жана Пиаже. Можно ли говорить о приоритете Шпильрейн в отношении концепции раннего Пиаже, спрашивает автор, - как, несомненно, мы можем утверждать это о концепции "Egos и Tanatos" позднего Фрейда, изложенной в 1920 году в труде "По ту сторону принципа удовольствия"? В любом случае можно говорить о влиянии: как и о буквально телепатической способности Сабины Шпильрейн предугадать важнейшие направления науки о психологии XX века.

Сабина Шпильрейн вернулась в Россию в 1923 году. Вела научную работу в Москве, сотрудничала с такими выдающимися русскими учёными, как Александр Лурия и Лев Выготский. Позднее, во время свирепствования сталинских репрессий, вернулась в родной город Ростов-на-Дону. Работала врачом и педологом. Есть основания считать, что метод психоанализа она практиковала и на родине: по воспоминаниям очевидцев, в её доме имелась отдельная комната, в которой стояла кушетка психоаналитика.

Обстоятельства смерти и место могилы этой женщины с необычайной судьбой неизвестны. По утверждениям немногих свидетелей, она и обе её дочери Рената и Ева были расстреляны немцами вместе с другими людьми еврейской национальности в годы Второй мировой войны. Последний раз её саму видели летом 1942 года в колонне евреев, которую гнали по улицам Ростова-на-Дону.

Ещё будучи юной пациенткой Бюргхольцской клиники, Сабина написала и передала лечащему врачу Карлу Юнгу на хранение то, что она назвала своей "последней волей". Там читаем такие слова: "Когда-либо будет поле, на котором будет стоять дерево, и там будет написано: "Меня звали Сабина Шпильрейн и я также была человеком". Можно лишь задаваться вопросом, прозревала ли в то время Сабина свою судьбу?

Местность под названием Змеевская Балка под Ростовом, скорее всего, и стала местом её упокоения. Это поле, где высится гранитный памятник жертвам геноцида. Члены психоаналитической ассоциации Ростова-на-Дону, выполняя последнюю волю Шпильрейн, посадили на этом поле дубок.

Жизнь после смерти

До конца 70-х годов XX века Сабина Шпильрейн пребывала в забвении. В 1977 году в руки итальянского аналитика Альдо Каротенуто попали документы, совершенно случайно обнаруженные в Женеве, в подвале здания, в котором в 20-е годы работал Институт Клапареда. Эти документы – дневники и письма Сабины Шпильрейн – принесли добрую весть аналитическому миру о возвращении этой яркой женщины-мыслителя из забвения.

Найденные документы вызвали огромный интерес. Последовали новые биографические исследования, монографии, посвящённые личности и работам Сабины Шпильрейн, написанные в контексте теоретических систем как Юнга, так и Фрейда. На русском языке – родном языке Сабины Шпильрейн – вышло эссе Александра Эткинды, помещённое в книгу "Эрос невозможного". Данная статья – пожалуй, первая публикация на литовском языке, посвящённая Сабине Шпильрейн – женщине необычайной внутренней красоты и цельности, которая вместе с З.Фрейдом и К.Юнгом создавала психоанализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Appignanesi L., Forester J. Freud's Women. London: Virago Press, 1993.
2. Carotenuto A. A Secret Symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York: Pantheon Books, 1982.
3. Foucault M. (1999). Seksualumo istorija. Vilnius: Vaga.
4. Jung C.G. Memories, Dreams, Reflections. New York: Pantheon, 1963.
5. Жеребкина И. Прочти мое желание. Москва: Идея пресс, 2000.
6. Овчаренко В.И. Судьба Сабины Шпильрейн. Москва: Российский психоаналитический вестник, № 2, 1992.
7. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления. – Int.: [www. Psychoanaliz.ru](http://www.Psychoanaliz.ru)
8. Шпильрейн С. Психоаналитические этюды. Переводы с: «*Intenationale Zeitschrift fur urztliche Psychoanalyse*» (1914, № 2), „*Imago*“ (1913, № 2), „*Imago*“ (1913, № 2).
9. Эткинд А. Эрос невозможного. Москва, 1994.